

ВѢДЬМА. (Украинская сказка.)

Жиль былъ гдѣ-то на Украинѣ, въ тихомъ долочку, въ своеемъ домочку, въ селѣ большомъ и богатомъ, не хуже самой Рѣшетиловки, парень-друзяка, казакъ проворный, моторный, жартовливый и работающій; всѣ дивчата бывало изъ-подъ локтя, мимоходомъ, смѣючись, на него зализаются; нѣть безъ него вечерницы, нѣть радости на улицѣ, нѣть и веселья, гульбы на сватьбахъ; но и работа мало у кого спорила съ супротивъ нашего казака: бывало, что ни занесеть косу, то полкопны наворотить; а разъ, помню, стала онъ Москалей дразнить, какъ они молотятъ цѣпомъ, справа нальво, да еще и черезъ руку; пошалилъ, говорю, съ поль-годинки, да копну и вымолотилъ, шестьдесятъ сноповъ! да!

Вотъ и стали отцы да матери подсыпать къ нему людей, поговорить съ нимъ: такъ куда! и слышать не想要; а бывало, какъ станутъ ему говорить: «слышно, казаче, что

ты ручники побраль,» т. е. посватался и сговорился - такъ онъ въ отвѣтъ, насунувъ шапку смушковую на лѣвое ухо: «брехати не цѣпомъ махати: брехнею свить пройдешь, та назадъ, кажуть, не вернесся,» или: «брехалы твого батька сыны, то и ты зъ ными.» А какъ ему на это: «да мы слышали, казаче, отъ людей,» такъ онъ въ отвѣтъ, махнувъ рукой: «абы булы побрязкачи, будуть и послухачи. На здоровье!»

Однакоже, долго ли нѣть ли вередовалъ казакъ нашъ такимъ образомъ, нашель и онъ свою зозуленьку, кукушечку: на вечерницахъ съ нею, по улицамъ за нею; въ коршуна ли, въ горѣлки, въ гуси - гдѣ она, тамъ и онъ; съ нею только и женихается и гадаетъ и жартуетъ; а бывало, гдѣ поймаетъ ее, то уже такъ притовкмачить, что три дня синятины стоять.

«Ладно!» подумали люди, «придетъ Аннино зачатіе, 9 декабря, такъ увидимъ что увидимъ. Господи благослови стару бабу на постолы, а молоду на кожанци!»

«Ладно!» ворчали дивчата, «онъ еще оглянется, да очнется, коли съ этою поведется. Ангельскій голосокъ, да чортова думка!» - Вродыла мама, що не прійма и яма - говорили другія дивчата: «съ этого веселья каково-то будетъ похмѣлье; а ей давно мѣсто тамъ, гдѣ козамъ рога правять. Это штука!»

Между тѣмъ, люди говорили, толковали - а казакъ себѣ на умѣ: «свѣтиль бы мнѣ ясный мѣсяцъ» думаль онъ, «а по звѣздамъ коломъ бью. На людей не угодишь.»

Вотъ пришла и осень, пришли обѣ пьянки - 14 и 28 октября; пришло и пущенье, заговѣнье; идетъ Филипповка. Лишь только наступило Аннино зачатіе, какъ начали старосты сновать по селу, а къ ночи опять домой - кто съ ручниками, высоватавъ парню дѣвку, гордо и медленно выступалъ посреди улицы; а кто съ гарбузомъ, съ отказомъ, крадучись подъ тыномъ. Дивчата, собравшиесь въ свой кружокъ, рассказываютъ, что Гапка, Стеха, Устя просватаны... А за кого? Одна за

Хому-Кожуха, другая за Козулю, третья за Власа-Непейпива.. А тутъ, глядь, и казакъ нашъ побралъ ручники, да только совсѣмъ не отъ той дѣвки, съ которою женихался, которую товкмачилъ, а отъ другой, отъ бѣдной, убогой, только что лицомъ бѣленъка, бровями черненъка, а то хоть къ старцамъ, къ нищимъ итти, то въ ту жъ пору.

Я сказалъ уже, что дѣло было на Украинѣ: пусть же не пеняютъ на меня, что сказка моя пестра Украинскими рѣчами. Сказку эту прислалъ мнѣ тожъ казакъ: Грицько Основьяненко, коли зновали его. А что изъ пѣсни, то изъ сказки, слово не выкидывается, а выкинешь слово, не наверстаешь и тремя. Эта правда истинная, пусть толкуютъ обѣ этомъ сколько угодно, но пусть не спорятъ; а что какой-нибудь дикобразъ будетъ за это ломаться и бодриться, мовъ шкуратъ на огнѣ, такъ мнѣ, съ позволенія сказать, съ нимъ не дѣтай крестить: вольно Жиду свинины цураться, а бусурманину съ виномъ не знаться; люди и

пъуть и ъдять, а Жидъ да Турокъ по мнѣ
хоть згинь, хоть высхни!

И такъ, дѣло было на Украинѣ, то есть, не то въ Полтавской, не то въ Черниговской: потому что Кіевскихъ да Харьковскихъ Украинцы не очень признаютъ своими; а нашего брата, Херсонскаго да Екатеринославскаго, такъ ужъ и въ грошъ не ставятъ. Ну, даромъ, я таки придерусь гдѣ нибудь къ мѣсту, что хмѣль къ тыну, да отстою своихъ - а теперь стану сказывать сказку свою. Надо сказать еще, какъ вѣдьма испортила было Ивасю, да увела его, а Ивася посадилъ ее въ печь - словомъ, осталось еще досказать много.

И такъ, казакъ нашъ откинулся отъ дивчины, съ которой было женихался: покинутая дѣвка ослабила; проходить годъ, и другой, и третій - никто ее не береть, и дожила она до сѣдой косы. Дѣло въ томъ, что мать этой дѣвки была отъяленная вѣдьма, и что казакъ нашъ самъ видѣль, какъ она, перемахнувъ чрезъ тынъ, въ одной рубахѣ, съ распущенными волосами, доила коровъ на чужомъ дворѣ.

Послѣ этого, кажется, и толковать нечего, и казаку нашему родниться съ вѣдьмою не приходилось. Онъ плонулъ да и отошелъ: «упырь съ нею, съ католичкою, связывайся, а не я!»

И не прошло году, какъ вѣдьма стала учить дочь свою своему нечестивому чоклованью, колдовству; травы съ нею собирала, коренья сушила, зелье готовила, кошачей кровью приправляла; а какъ умерла, такъ и передала всю науку свою и ненависть къ казаку нашему дочери, которая, слетавъ на Лысую-Гору, подъ Кіевъ, стала вѣдьмою сполна, какъ, сами знаете, вѣдьмы бывають: и съ хвостикомъ, и съ чортовой думкой, и со всѣми сатанинскими пакощами.

А вотъ я ужъ къ одному мѣсту и придрался: не хотите вы, Украинцы, признавать Кіевлянъ своими, такъ за чѣмъ же вѣдьмы ваши на поставленіе летаютъ подъ самый Кіевъ, на Лысую-Гору? Что, не правда моя? Съ Москальми да съ Русскими чертями они, вѣдьмы, извѣстное дѣло, не

знаются; такъ къ кому же они туда летаютъ? Стало быть, Кіевляне вамъ свои.

Дочь перехитрила и перещеголяла въ чоклованьѣ мать; а зла, что не приведи Господь! И что она выгадывала да выкидывала бѣдному человѣку и женѣ его - такъ къ ночи страшно и рассказывать. Онъ выстроить себѣ хату, избу, хозяюшка вымажетъ ее бѣленъко, обводы обведеть желтые: а вѣдьма заберется туда первая, подыметъ стукъ, шумъ, крикъ, галасъ, реготню, выживеть-таки бѣдняка; и всѣ люди крещеные хату далеко обходять, а пуще ночью. Онъ поставить битую печь, грубку, и дымволокъ на рѣзныхъ грабовыхъ ножкахъ: вѣдьма влѣзеть въ нее, раздуеть ее, разопреть; строй и клади снова! Онъ выстроить избу другую, освятить и окропить мѣсто, и только-что покроеть ее гладенько соломою: вѣдьма бестія таки среди бѣлаго дня вихремъ налетить, солому взобъеть, повысмыкаеть, латвины потрощить, кроквы поваляеть - ну таки дня не пропустить безъ пакости! Хозяйка обзаведется коровкой, овцами: вѣдьма

аспидская ночью ихъ выдоить, хоть брось; и молока не даютъ, да и мясо грѣшно ъсть послѣ нечестивыхъ вѣдьминыхъ рукъ. Въ полѣ хлѣбецъ поспѣть: вѣдьма со всего свѣта поскликаетъ товариство свое, пляску такую подымутъ на нивѣ, что вытопчутъ все, хуже чѣмъ барская псовая охота. Мужикъ плачетъ, да и полно. Этого мало: Богъ благословить чету, обѣщаетъ имъ родительской радости; а она, вѣдьма, анаѳемская вѣра, ночью и выкрадеть у матери нерожденное дитя, и нырнула съ нимъ въ трубу, и была такова; а сама, окаянная, а у самое - отколь ни взялась дочь Оленка: говорить, что подкинули, а, чего, чай на Лысой-Горѣ съ упыремъ перевѣнчалась!

Бѣдный казакъ нашъ черезъ эту бѣсову вѣдьму обнищаль было совсѣмъ; молитвой не отмолится, крестомъ не откроется - хоть удавись, хоть утопись. Но вотъ, Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья: вѣдьма наша отправилась на сватбу какой-то знаменитой вѣдьмы, и, какъ невѣнчанная дѣвка, ходила въ дружкахъ; а какъ привела

еще байстра, то и бѣгала съ приданками, съ обѣда на обѣдъ, изъ Кіева на Карпаты, оттолѣ въ Конотопъ, тамъ на Кавказъ, да къ свату въ Сибирь, да къ поселеннымъ Хохламъ, въ Кардаиловку, за Ураль-рѣку, да къ старшему боярину въ Бердичевъ, да этакъ пробѣгала, протаскался годъ со днемъ; а у нашего мужичка, у казака, родился между тѣмъ сынокъ, Ивашко; да такой гарненький, что хоть сейчасъ его, пришивъ крыльшки, на вербочку! Вѣдьма, воротившись домой, да навѣдавшись черезъ трубу къ казаку - а уже известно, что вѣдьма дверей растворить не потрудится - какъ навѣдалася, да узнала что прогуляла, такъ со злости и зубами скреготала, и по собачьи скавучала, и по волчьи выла - да ба! ничего не могла сдѣлать. Извѣстно, что дитя до семи лѣтъ есть младенецъ, какъ ангель святой, и уже никакая вѣдьма не властна надъ нимъ, ниже надъ татою и ненькою его, надъ отцемъ и матерью, ни даже надъ худобою ихъ, надъ добромъ и животинкою. Вѣдьма рѣшилась терпѣть семь лѣтъ, а тамъ уже, во что бы ни стало,

отмстить за все вдвоє. Дьявольское отродье дьявольское и думаеть и гадаеть.

Казакъ нашъ съ хозяйкою своею забыли между тѣмъ про лиху бѣду минувшую: баба пряла, ткала, выткала не знать сколько плахть да запасокъ, красила сама волну, шерсть, - а работяща была и она, - да выткала съ десятокъ ковровъ узорчатыхъ, цвѣтистыхъ, съ пѣтушками, да съ квиточками, съ цвѣтками. А мужикъ пшеницу-арнаутку сѣялъ, собиралъ, да отправляль въ Одесу, гдѣ заморскіе купцы, у которыхъ либо денегъ до черта, либо натура прожорливая, платятъ 25 и 30 и 40 рублей за четверть; первый годъ чумаковалъ онъ самъ, а тамъ уже сталь посылатъ батрака, а тамъ отправлять цѣльные обозы - и разжился съ легкой руки; обзавелся и курочкой, и уточкой, и гуской, и посудинкой въ домѣ, и всякими овощами на огородѣ, а въ саду водились и сливы и груши, и яблоки, а въ каморѣ стояла и вишневка, и терновка, и сливянка, для добрыхъ пріятелей - а что за роскошь, за

раздолье, эта сливянка да вишневка: что твои Французскія Ренскія!

А видаль ли кто изъ васъ еще какъ это люди чумакуютъ? Завидная жизнь, раздолье, приволье, своя рука владыка; а простору-то, простору - Господи Боже мой! Только бѣда, какъ бисовы Москали верстовыхъ столбовъ по шляхамъ, по дорогамъ, наставяты: того гляди задѣнешь, и проѣхать негдѣ; бѣда чумаку въ этой тѣснотѣ!

Однако, поколѣ мы тутъ баляндрясимъ, Ивашко подросталъ годъ за годъ, день за день, и уже тутъ ли, тамъ ли, помогалъ отцу да матери по господарству, по хозяйству. Его дѣло было выпустить свиней изъ загороды на паству; его дѣло переличить, пересчитать да пригнать домой уточекъ, а тутъ, глядишь, онъ же, сѣвъ въ каючокъ, въ челночокъ, перегоняль гусей на тотъ берегъ рѣчки, пасъ ихъ тамъ, удиль рыбку, собираль ягодки, какія въ какую пору родятся: ожину, земляничку, костянику, малину, а тамъ и калину, а тамъ, какъ уже утренники стали

подергивать и несемъ листки, и тернь. А добрая ягодка, коли кто ъдалъ, и тернь, когда ее морозъ прохватить: кисленька, правда, ну да отъ нея недворянскій языкъ не покоробить. А мать Ивашкина, наваривъ обѣдать, выходила на рѣку и призывала его:

Ивашку, мій сыночку!
Прибудь, прибудь, голубчику.
Се тебе мате кличе,
Отъ тоби исты несе -
На срибныхъ мысочкахъ,
На золотыхъ талирочкахъ.

Ивашко, по голосу неньки, матери своей, садился въ челнъ, гребъ потихоньку къ берегу и припѣвалъ въ отвѣтъ:

Човне, човне, швыдче,
Човне, човне, близче!
То мене мате кличе,
То мини исты несе,
На срибныхъ мысочкахъ,
На золотыхъ талирочкахъ.

Челнъ приплывалъ къ берегу, Ивашко ъль, что ему мать приносила, борщу ли съ бураками, каши ли съ саломъ, варениковъ

ли, галушекъ; а мать возметъ его, вычешеть, вымоетъ, а въ недѣлю, въ воскресенье, принесеть ему чистую сорочку - и Ивашко опять отправляется на тотъ берегъ, въ луга, пасти гусей своихъ и присматривать, чтобы коршунъ, либо хорекъ, не перетаскали гусынять; а подъ вечеръ, взмахнувъ долгою лозою и закричавъ на отрядъ свой: «гиль, тега, гиль до дому! гиль до дому!» выгоняль ихъ на плесу, пускался за ними въ челнѣ своеемъ, пригоняль ихъ домой, сдаваль матери счетомъ, а поужинавши и помолившись - а уже онъ зналъ «Отче нашъ» до: «хлѣбъ нашъ насущный» - ложился съ Богомъ спать.

Вѣдьма, сидя на бережку подъ кусточкомъ, чего бы тутъ не сдѣлала со злости! А у нея и есть, правда, шелудивая дѣвчонка, Оленка, такъ я же говорю, что поганая: вся въ коростѣ; а какъ глупа - такъ не накажи Богъ ни нашихъ, ни вашихъ! Дура зеленая такая, что, бывало, скажи что хочешь ей, вылупить очи и смотрить, какъ сыченокъ; поколѣ не дашь

ей тумака, такъ не слышить, не видить; даже поганому чоклованью не могла научиться. Вѣдьма наша со злости и зубами скреготала, и собакою скавучала, и волкомъ выла - да ба! дитя до семи лѣтъ младенецъ, какъ ангель святой: нѣть вѣдьмѣ надъ нимъ власти, ни надъ татою его, ни надъ мамою, ниже надъ всею ихъ худобою. Стала вѣдьма выжидать, когда минеть Ивашкѣ семь лѣтъ. А развѣ и долго ждать? Да вотъ, покуда мы съ вами разговариваемъ, такъ время и ушло: Ивашкѣ минуло семь, пошелъ осьмой годочекъ, и вѣдьма приступила погубить его, во что бы ни стало; подслушала и вытвердила пѣсенку, которою мать прикикала его день за день.

Разъ, что-то долго не ладилося у матери въ печи, борщъ не укипалъ - можетъ статься и вѣдьма подпустила порчу такую; ужъ и пора бы матери звать Ивашка къ обѣду - нейдетъ. Вѣдьма подошла къ берегу и запѣла рѣзкимъ, сиповатымъ, толстымъ голосомъ:

Ивашку, сыночку,

Прибудь, прибудь голубчику -

Ивашко, какъ ни малъ онъ еще быль,
тотчасъ узналь, что это не ненькинъ
голосъ, плавный, чистый, тоненький, а
потому и стала грестись отъ берега,
напѣвая:

Човне, човне, швыдче,

Човне, човне, дали!

То мене видьма клыче,

Вона мене състы хоче,

Съ рученьками, съ ноженьками,

Съ косточеками, съ кишечками.

Вѣдьма, поймавъ облизня, спряталась
еще разъ въ кустахъ, выждала мать
Ивашкину, подслушала еще разъ
хорошенько пѣсенку и голосъ ея, и
подумала: «постой, голосъ у меня
толстенекъ; этому можно пособить.»
Вѣдьма пришла къ ковалю, къ кузнецу, и
сказала: «ковалю, ковалю, скуй мнѣ такой
тоненький голосокъ, какъ у Ивашкиной
матери!» Ну какъ ковалю не послушаться
вѣдьмы? Она ему, чай, не разъ и не два
еще пригодится и понадобится. Онъ
разложилъ углей, раздуль, ухватилъ

вѣдьминъ голось клещами, раскалиль его какъ жаръ красный и сталъ отрабатывать молотомъ: тукъ да стукъ, стукъ да тукъ - а скалки, искры, такъ и сыплются. Ковалъ выковывалъ, потягивалъ, перетягивалъ и выправляль вѣдьминъ голось: - а ну, поптайся! - Вѣдьма прикинула голось; «ахъ, собака, перетонилъ! возьми навари.» Ковалъ взяль мартіалу, раскалиль, отрубилъ, наварилъ: - а ну, тетка, поптайся теперь! - Вѣдьма встала, спѣла пѣсенку: «онъ бы и хорошъ, да дрожить, дребежжитъ, какъ у нашего пономаря съ перепою.» Опять поправлять, направлять - какъ разъ потрафиль, ну сама мать Ивашкина не отличить отъ своего голоса. «Спасибо, сынку!» молвила вѣдьма - и была такова; только и видѣль ее ковалъ. А что кошту потрачено: угля, угару на клещахъ, мартіалу! а работа, а время? все ни во что!

Ждеть вѣдьма не дождется утра - а уже опять чортъ выносиль ее по всѣмъ всюдамъ - а до свѣту вышла на берегъ, ждеть, скоро ли солнышко подымется въ

ростъ выше хаты, а это было время обѣда. «Погоди» думаетъ она; «ужъ развѣ свѣтъ совсѣмъ до горы ногами пошелъ, а то не миновать тебѣ моихъ рукъ.» И вотъ запѣла:

Ивашку, мій сыночку,

Прибудь, прибудь, голубчику -

Тотъ же голосъ, тотъ же напѣвъ и тѣ же пріемы, переливы! бѣдный малютка обманулся и отвѣчалъ:

Човне, човне, блызче,

Човне, човне, швыдче!

То мене мате клыче,

То мини исты несе...

Только что Ивашко нашъ присталь къ берегу, какъ вѣдьма, кинувшись на него, хапъ-цапъ его, схватила, потащила и пискнуть не дала: ротикъ зажала ему, чуть не удушила. Пропаль мой Ивашко не за цапову душу! упалъ съ ясени листокъ за то, что вихорь набѣжалъ! А мать Ивашкина вышла тѣмъ часомъ со стравою, со снѣдью, на бережокъ; ужъ она пѣла, пѣла, прикликаючи Ивашку; опять походитъ и опять запоеть, и гукаетъ его на весь голосъ со страхомъ и боязнію; уже сама плачетъ,

сама поеть - нѣть Ивашки! Выспѣвавши и выгукавши весь голосъ, пришла она въ слезахъ домой; горюя какъ сизая горлинка, она рассказала мужу, что Ивашки нѣть, что его вѣрно извела вѣдьма; а выплакавши всѣ слезы, принялась печь да стряпать пироги, кныши, блинцы, буханцы... какъ быть! надо было помянуть Ивашка, какъ долгъ христіянскій велить. Извѣстное дѣло, на поминкахъ этихъ кусочекъ съѣшь, а слезою запьешь - ну да дѣлать нечего: человѣкъ не собака, чтобы ему сгинуть безъ поминокъ!

А вѣдьма, поймавши Ивашка, принесла его домой, не знать куда, призвала Оленку и приказала: «возьми этого бѣлага, курчавенькаго баранчика, обмой его, вымой головку ему, вычеси, прибери, опатрай, и сжарь; а я межъ-тѣмъ сбѣгаю въ Конотопъ, до дядины: просила, чтобы пришла посыкаться.» А близкій свѣтъ отъ нихъ, думаешь, Конотопъ? Да полтораста верстъ съ гономъ на добрыхъ коняхъ, а на плохихъ, мужицкихъ, будетъ и болѣ. Ну, нужды мало; ужъ не впервые вѣдьмѣ нашей шмыгать туда-сюда, какъ сказывали мы уже

давича: изъ Киева на Карпаты, къ Руснакамъ, побратимцамъ Украинскимъ; оттолѣ подъ самый Каменецъ, тамъ въ Черкасы, да, чего доброго, еще и на Кавказъ, а обратнымъ путемъ и на Кубань, да въ Екатеринославль, потому что и тамъ живутъ не католики, а крещеные жъ казаки, хоть Полтавцы да Черниговцы, и не признаютъ ихъ земляками. А впрочемъ, я думаю, что Херсонцы да Екатеринославцы правду говорятъ - да они же никогда и не брехали - что въ Полтавской да въ Черниговской мало осталось чистыхъ, настоящихъ Украинцевъ: они вышли, было тому время, на Кубань да на Бугъ, въ Херсонскую, въ Екатеринославскую; они-то были родовитые Запорожцы; сколько было у нихъ дѣдовъ, столько было и оселедцевъ, чубовъ; а нынѣшніе Полтавцы, да Черниговцы - это все уже обмоскались, все переводня.

Оленка сдѣлала что мать наказывала: затопила печь, вымыла, обмыла Ивашка, вычесала, опатрала его, какъ слѣдуетъ, на жаркое; а какъ печь истопилась, вымела ее

помеломъ, на которомъ матушка ея родная пускается подчасъ въ походъ, - и говорить Ивашкѣ: «садись на лопату!» - Не вмію - говорить Ивашка. «Ну, клади руку!» - Не вмію. - «Клади ногу!» - Не вмію. - «Да садись же весь!» - Да не вмію, и только; покажи сама какъ сѣсть, такъ и сяду. - «Садись, какъ умѣешь» говорила Оленка. Ивашко взялъ да и развалился поперегъ лопаты. Оленка стала его сажать въ печь - не лѣзть. «Да садись же, я говорю, хорошенько!» - Да я жъ говорю тебѣ, что не умѣю; покажи какъ сѣсть, такъ я сяду. - Оленка, не долго думавъ, плюсь сдуру на лопату! А Ивашко, ухвативъ лопату, шасть ее, шелудивую дѣвчонку, въ печь, ухватилъ заслонку, приставиль, ухватомъ приперъ, чтобы еще не вылѣзла, а самъ въ двери, выбѣжалъ въ садокъ вѣдьминъ и взлѣзъ на топольку, сѣль въ самую маковку и оглядывается кругомъ - не видать и родины его; завезла его вѣдьма анаѳемская за пятьсотъ верстъ отъ родимой сторонки!

А вѣдьма, погостивши у дядины въ Конотопѣ, и побесѣдовавши съ нею, пришла домой. Смотрить: хата отперта, а никого нѣть; только собака встрѣчу ей изъ дверей выскочила, да чуть съ ногъ ее не сбила. «Гедь, до супостата!» закричала на нее вѣдьма; а тамъ принялась бранить и Оленку. «Поганая дѣвка! вотъ ужъ опять убѣжала куда нибудь байдаки бить, а хату покинула, какъ будто мы между святыми живемъ, что некому чего украсть! Такъ нѣть, ничѣмъ ее не уймешь, не надоумишь; ты ей зась, она тебѣ ась! плюнь да и отойди. Погоди, вотъ я ее! Не съѣла ли еще, собака, моего жаркова, или, можетъ, не позабыла ли Оленка его изготовить, не упустила ли еще, чего доброго, проклятаго Ивашка?» Сама кинулася въ печь - нѣть, все цѣло! А какъ она избѣгалася, утомилася, уморилася порядкомъ, то и принялася, недолго думавъ, немного разбирая, за расправу; да вотъ, покуда я говорю, а вы, слушаете ли не слушаете, а покрайности тутъ сидите да стойте, вѣдьма

съѣла жаркое все до тла, и косточки обсосала, и пальцы обсмоктала.

Наѣвшись порядкомъ, вышла она въ садъ отдохнуть, легла подъ ту топольку, гдѣ сидѣлъ Ивашка, стала противъ солнышка кататься, а сама заливаясь приговариваетъ: «Покачуся, повалюся, Ивашкинаго мяса наѣвшись!» А Ивашка, подслушавъ ее, началъ ее переговаривать: «Покатися, повалися, Оленкинаго мяса наѣвшись!» Вѣдьма смотрить, дивится - никого не видать; обнюхиваетъ все, поднявъ морду по вѣтру - никого не слыхать. А вѣдьмы, сами знаете, чутьемъ слышать не хуже хортовъ панскихъ, охотничьихъ собакъ, да только по вѣтру; а противъ вѣтру, коли отъ чутья относить, такъ же мало чують, какъ и мы грѣшные. Опять вѣдьма покатится и скажетъ свою поговорку, опять Ивашка ее передразнить, и опять она глядить и нюхаетъ и никого не находить. Можетъ, наѣвшись мяса этой дуры, пошлой Оленки, и сама одурѣла, а то-бы ей давно догадаться да глянуть вверхъ: насилиу-то пыку, морду свою,

подняла до горы! нюхъ, нюхъ, нюхъ.. и учула Ивашка на деревѣ! Тутъ вѣдьма сперва начала на бѣднаго Ивашка совиные очи свои пялить, да снова обнюхивать, да снова вглядываться; а тамъ, какъ разнюхала да обглядѣла, что онъ, справду онъ: то и засыпала его таки за одинъ духъ паскуднѣйшею бранью, какую гдѣ только кто слыхалъ; я жъ говорю, что ей же ей, право, иной Москаль бы перекрестился отъ этакого сорому! «Поди сюда, сякой, такой!» - Не пойду - говорить Ивашко - сама съѣшь! - «Слѣзай, говорю!» - Не слѣзу! - «Я жъ тебя, погоди, достану, коли ты не самъ сатана-полетуша!»

И стала вѣдьма, припавши, грызть зубомъ дерево; грызеть, грызеть, а сама кошкой мурлычеть, у самой щепа только подъ зубами хрустить. Ивашко сложилъ руки, ну читать «Отче нашъ» сколько его зналъ и помнилъ; хрусь! зубъ у вѣдьмы, клыкъ одинъ уломился, и чуть она имъ не подавилась. И то сказать, тополька была старая, нетонкая, и таки тверденька; а у вѣдьмы, у старой чертовки, клыки

пріѣлись. Какъ тутъ быть? Опять къ пріятелю, до коваля. «Ковалю, ковалю, вотъ тебѣ костяной зубъ, а мнѣ скуй желѣзный!» Коваль взяль вѣдьму въ станокъ, гдѣ кують коней: - это, - говоритъ, - не голосъ править; это работа костоломная, тяжелая, потовая. - И такъ, въ станокъ вѣдьму, подтянуль ее на подпруги, ротъ ей развязиль, выковырнуль молоткомъ да чеканомъ остатокъ старого клыка, сковалъ другой, желѣзный зубъ, закалиль, загналъ молоткомъ ей въ десна, въ скулу, да еще посадиль его на шипъ, подпилиль, заостриль, отпустиль подпруги, - и выскочила вѣдьма изъ станка, что брыкливая кобыла послѣ ковки - только мы ее тутъ и видѣли!

Ну, счастливъ твой батька, ковалю, что люди не видали какимъ ты досужествомъ занимаешься! А еще крещенный человѣкъ, прости Господи, а на селѣ слывешь и Православнымъ! Къ чорту на ремешки пойдешь ты, на сыромятные; я тебѣ говорю, самъ сатана постолы изъ тебя, не сымая шкуры, станеть выкраивать; всѣ бѣсы изъ

тебя жилы потянуть, изъ окаяннаго - вотъ тебѣ что, бусурманъ католыцкій!

А вѣдьма наша, прибѣжавъ домой, ну опять грызть да грызть подъ Ивашкою дерево, мурлычить да урчитъ, а щепа такъ и сыплется! Вотъ дерево уже маленько прихилилося, погнулось; вотъ трещитъ - а вѣдьма и вдвое ретивѣй принимается за дѣло; вотъ трещитъ, летить, летить... А Ивашка, удалой хлопецъ, сидить себѣ, да только, ухвативъ въ руки по суку, наводить, да направляеть, прицѣливается... трещитъ, говорю, летить дерево, а Ивашка на лету прямо его направиль вѣдьмѣ въ лобъ: какъ хряпнетъ ее, такъ слышь, перелобаниль, что ни же ногой не дрыгнула: таки, какъ говорится, не успѣла и гроши отказать, - тутъ и растянулась. Аминь тебѣ, поганая, цуръ тебѣ, пекъ тебѣ, толки воду на томъ свѣтѣ, коли еще смилиуются надъ тобою, да развози ее, прицѣпивъ бочку къ хвосту, да переступая съ босой ноги на ногу по острымъ каменьямъ, по плитамъ чугуннымъ каленымъ; а свинецъ кипящій въ глотку

тебѣ, анаѳемская, коли хуже не будетъ; да купаться тебѣ по уши въ смолѣ кипяченой, да рогатинами желѣзными тебя изъ котла доставать, да толкачами туда усаживати!

Теперь бы Ивашкѣ нашему, поправившись и способившись съ вѣдьмою, и байдуже, и нужды мало: такъ не знаетъ дороги домой, да и далеко итти; шутка, заволокла куда, окаянная, что и свѣту бѣлаго оттолѣ не увидаешь. Ну, какъ быть? Ивашко взлѣзъ опять на дерево, на дубокъ, сталъ поглядывать кругомъ: летить стадо гусей. Пора была поздняя, осенняя, да и день уже вечерѣль, такъ перелетная птица вереницами торопилась до зимы да до ночи добраться во своясы. А почемъ они, скажите, путь-дорогу знаютъ, какими примѣтами до мѣсть отдаленныхъ доходятъ, въ осень туда, на весну опять сюда, да еще и на старое гнѣздо попадаютъ, на дерево, на кочку въ камышѣ, до которой, не заплутавшись, и человѣку дважды не попасть!

«Возьмите меня съ собою» взмолился Ивашко, на гусей глядя, и запѣль имъ навстрѣчу:

Гуси, гуси, лебедята!
Возьмите меня на крыльята,
Понесите меня до батенька,
До родной моей до матеньки.
А у батенька,
А у матеньки
Е що исты, пыты,
Будутъ мене любиты.

А гуси ему отвѣчаютъ: «Нехай, пустъ, тебя задніе возьмуть!» Вздохнуль Ивашко, сидить и ждетъ. Вѣдь не много и людей такихъ найдется, чтобы пособили въ бѣдѣ горемычному; а гусь - птица, изъ царствія скотины, не разумнѣе человѣка, а глупъ, какъ и этотъ. Летять опять гуси; Ивашко взмолился имъ, и руки было-подняль; крѣпко низко летѣли - такъ та же пѣсня, тотъ же отвѣтъ. Летить третье стадо; вожакъ, сѣрый гусакъ, вытянувъ шею въ струнку, отвѣчаетъ Ивашкѣ: «Нехай тебе гуска-кургузка возьметъ.» Оглянулся: летить отсталая гусочка-кургузочка,

полхвоста вырвано: видно, лиса, не то волкъ отъ нея не за горой были, и низко летить, и вереницы своей не догонить, хвостомъ за нею слѣдомъ не управить. Ивашко, сидя на сучку, запѣль встрѣчную пѣсенку:

Ой гусочеко,
Кургузочеко,
Уси мене покидаютъ,
Одны до другихъ витсылаютъ -
А я хлопчикъ маленький,
Далеко видъ матери родненькой.
Ой гусочеко,
Кургузочеко,
Може у тебе булы гусынята,
Озьми жъ мене на крылята!

Гусочка-кургузочка, хоть и сама нездорова была, и сама черезъ силу перемогалась - а таки взяла Ивашка, посадила на себя, принесла его домой и ссадила подъ оконцемъ родительской хаты. Такъ всегда на свѣтѣ бываетъ: не подастъ великій, не подастъ богатый, не подастъ и сильный и большой; а подастъ убогій, что самъ бѣду бѣдоваль, какъ рыба объ ледѣ колотился, а

можетъ и теперь еще порою поколачивается: онъ знаетъ бѣду, не отринеть и мольбу.

А у Ивашкиной матери тѣмъ часомъ все поспѣло на поминки по сыну. Уже почитай и смерклось. Мать Ивашкина достала изъ печи вареное и печеное, позвала мужа, да и сѣла съ нимъ вдвоемъ поминать сына, и стала дѣлить она пирожки: «вотъ это тебѣ» говорить, «вотъ это мнѣ.» - А мнѣ? - спрашиваетъ голосокъ подъ окномъ. Мать оглянулась, «кто тамъ пищить?» Нѣтъ отвѣта. «Ну, дарма, давай дѣлить блинцы - это тебѣ, это мнѣ; это тебѣ, это мнѣ.» - А мнѣ? - «Що за вража мате, що тамъ пищить?» Нѣтъ отвѣта. «Ну давай дѣлиться буханцами.» Опять тоже; мать было встала, да и подала въ оконце, за упокой сына, пирожокъ; такъ не береть нищій: пустите, говорить, въ хату. Вышла мать за порогъ: «Мати Божа и всѣ святые и присноправедные! Да это нашъ Ивашко, сынокъ нашъ, глазокъ нашъ, око наше, сердце подреберное!» Что за радость, за веселье! И казакъ, даромъ что усами

обрось, заплакаль; одно то, что сынъ воротился, другое то, что извель онъ въдьму поганую, со всѣмъ и съ насимъемъ, съ родомъ и съ племенемъ. Крикъ, шумъ, галасъ; сбѣжалася вся слобода; подняли крикъ по улицамъ: «Ивашко тутъ, Ивашко пришелъ!» И всякъ, соскочивъ съ печи, изъ проса, такъ босикомъ и дуешь до казака, посмотреть на радость, на веселье!

«Ну баба,» сказалъ казакъ, «теперь спрвляй пиръ на весь міръ; что заработано въ годъ, сыпь на столь въ день! Руки здоровы, ноги цѣлы; сыну мій, Ивашко, дома, а съ вѣдьмы, съ аспидской, можетъ ужъ давно черти лыки деруть; она не страшна болѣ, такъ Господь благословить насъ опять. А чумаковать пойду, возьму и сына съ собою: пусть поживеть, какъ люди живутъ, свѣту побачить; пусть порадуется простору нашему, погуляетъ; а тамъ, коли Богу угодно, жинка, какъ воротимся, спрвляй другой пиръ: соли привезу тебѣ задаромъ, а можетъ и рыбы; всю слободу накормимъ, чтобы знали и помнили казаченка Остапа Пушкаря!»